

Лаура Пикколо

Университет Рома Тре

Италия

<https://orcid.org/0000-0002-3193-6640>

РУССКИЕ В РИМЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА В РОМАНЕ АППЕНДИКС АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВОЙ

RUSSIANS IN ROME AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY IN THE NOVEL *APPENDIX* BY ALEXANDRA PETROVA

The article investigates the Diaspora theme in *Appendix*, the debut novel by the poet Alexandra Petrova. Published in 2016, *Appendix* was awarded the Andrei Belyi Prize the same year. It is a novel with a complex structure and plot, a multitude of narrative lines, and a rich, erudite system of quotations. The main theme is the troubled condition of the “Other”, an immigrant, outsider who finds himself in an unknown foreign city, in this case it is Rome, which itself was founded by a “stranger”. Petrova takes up the Virgilian theme of Aeneas as an explicit reference to the fate of the Trojan hero as an image of immigrants Rome. Petrova is one of the voices of the new Russia Abroad even though she remains in many ways a voice on the threshold.

Keywords: *Appendix*, Alexandra Petrova, Russian Emigration, Russia Abroad, post-Soviet literature, Rome

ROSJANIE W RZYMIE NA POCZĄTKU XXI WIEKU W POWIEŚCI
APPENDIX ALEKSANDRY PIETRÓWEJ

Niniejszy artykuł porusza temat diaspory w debiutanckiej powieści poetki Aleksandry Pietrowej *Appendix*. Opublikowany w 2016 roku *Appendix* otrzymał w tym samym roku nagrodę im. Andrieja Bielego. Jest to powieść o złożonej strukturze i fabule, wielu liniach narracyjnych i bogatym, erudycyjnym systemie cytatów.

Głównym tematem jest trudna sytuacja „Innego”, imigranta, outsidera, który znajduje się w nieznanym obcym mieście, w tym przypadku jest to Rzym, który sam był założony przez „obcego”. Powieść Pietrowej podejmuje Wergiliański motyw Eneasza jako oczywiste odniesienie do losu trojańskiego bohatera w obrazie imigrantów Rzymu. Pietrowa jest jednym z głosów nowej rosyjskiej zagranicy, choć pod wieloma względami pozostaje głosem na progę.

Słowa kluczowe: *Appendix*, Aleksandra Pietrowa, rosyjska emigracja, rosyjska zagranica, literatura postsowiecka, Rzym

В последние тридцать лет исследования русской диаспоры представляли собой достаточно четко очерченное поле для изучения, которое считалось исчерпанным: с распадом СССР многие изгнанники смогли вернуться на родину, и жизнь исторических волн подошла к определенному концу. Эмиграция продолжала затрагивать россиян, но по иным критериям, чем те, которые определяли волны прошлого¹. Ситуация изменилась после 24 февраля 2022 года, когда российское вторжение в Украину заставило покинуть страну (временно или на длительный срок) тысячи россиян: не только мужчин, призванных к оружию, но и политических оппонентов власти, интеллектуалов, художников, писателей,

¹ Еще в 2016 году Олег Коростелев, один из крупнейших специалистов по русской эмиграции, в одном из интервью на вопрос о будущем эмигрантской литературы, ответил: «эмигрантская литература к концу XX века стала литературой Русского зарубежья и, дай бог, ей не придется снова переходить на эмигрантское положение [...]. В обычной ситуации человек может жить и писать, где хочет, а печатать и читать его будут без учета места жительства [...]. В XX веке ситуация была не просто трагической — исключительной. Это и породило литературу эмиграции как самостоятельную ветвь. До повторения той ситуации, хотелось бы думать, Россия никогда больше не дойдет». Е. Цейтлин, *Труден ли этот путь? Беседа с Олегом Коростелевым — исследователем литературы Русского зарубежья* // «Гостиная. Литературный журнал» 2017, вып. 91, <https://gostinaya.net/?p=14404> (15.10.2023). О новой волне см., напр., Н. Костенко, М. Завадская, Э. Камалов, И. Сергеева, *Российская ризома: социальный портрет новой эмиграции*, <https://re-russia.net/expertise/045/> (15.10.2023); М. Киселева, В. Сафронова, *Новые российские эмигранты. Кто они, сколько их и куда уехали?*, <https://www.bbc.com/russian/features-65686712> (10.10.2023).

многие из которых сегодня объявлены иноагентами или осуждены².

Эта пятая (или шестая) волна показывает, как некоторые аспекты исторической эмиграции, казавшиеся уже частью прошлого, становятся более чем актуальными сегодня. На самом деле, в постфевральской эмиграции в ряде случаев можно наблюдать горький параллелизм, особенно с первой волной и «философскими пароходами», которые около века назад увезли из новорожденного Советского Союза цвет русского искусства, культуры и мысли данного периода. Кроме того, имеется и другой аспект, касающийся тех русских, которые с началом революции оказались по разным причинам за пределами России. Речь идет об эмигрантах и путешественниках, застигнутых врасплох началом войны в 1914 году, и позднее — о солдатах, рассеянных по всей Европе, которые не хотели или не могли вернуться на родину.

Новая волна типологически похожа на все известные исторические волны и судьба многих современных писателей напоминает судьбу представителей Серебряного века, чьи жизнь и творчество отмечены цезурой, разделившей их биографию на «до» (на родине) и «после» (за рубежом). И эта цезура затрагивает, хотя и по-другому, и тех писателей, которые уже находились за границей до 2022 года. Изгои, формирующие некое Русское зарубежье *ante litteram*, люди, которые пережили эмиграцию как бы вдвойне, или перешли от эмиграции к изна-

---

² См. Федеральный закон от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». Среди певцов, актеров и телеведущих признаны иноагентами Борис Гребенщиков (Аквариум), Андрей Макаревич (Машина Времени), Земфира, Егор Бортник (Би-2), Монеточка, Noize MC, Оксимирон, Артур Смольянинов, Михаил Шац, Руслан Белый, Максим Галкин (Алла Пугачева требовала внести ее в список иноагентов за солидарность с мужем, М. Галкиным) и др. Среди писателей попали в реестр Борис Акунин, Дмитрий Быков, Линор Горалик, Дмитрий Глуховский и др. Любопытно, что в некоторых книжных магазинах в России на обложках книг Людмилы Улицкой и др. указывалось, что авторы являются иноагентами, хотя таковыми они еще (пока) не были признаны.

нию. Дислокация, трансформирующаяся из географической в необратимо историческую: конец России, рождение СССР, страны, в которой их никогда не было. Аналогичное происходит с россиянами, покинувшими страну в период с 1991 по 2022 год, представителями путинского исхода, или с теми, кто не вписывается в определенный поток или волну и сегодня оказывается в состоянии изгнания. Хотя никто их не выгонял, и сами они не покидали сегодняшнюю Россию, поскольку уже ей не принадлежали. Они являются маргинальной частью, вне старых и новых волн, как бы «аппендиксом» идеального тела нового русского зарубежья.

Такой эмиграционный сдвиг касается и судьбы поэта и прозаика Александры Петровой, автора романа *Аппендикс* (2016), посвященного именно эмиграции. Можно сказать, что Петрова живет в постоянной экзистенциальной миграции, в которой она собирает утраченные родины, начиная с СССР и Ленинграда, ее мест рождения, исчезнувших с карты XXI века. В своей языковой «капсуле»³ Петрова жила в иных языковых вселенных, училась в Тарту, в 1993 году переехала в Иерусалим и с 1998 года живет в Риме, в городе, само основание которого связано с темой изгнания, с началом на новой земле, когда своя была уничтожена огнем.

Петрова не только передвигалась через пространство и время, но и сквозь жанры, одновременно совершая внутренний сдвиг в своем творческом мире, переходя от поэзии к прозе. Автор нескольких поэтических сборников⁴, в 2016 она опубли-

³ «Изгнанный писатель похож на собаку или человека, запущенных в космос в капсуле (конечно, больше на собаку, чем на человека, потому что обратно вас никогда не вернут). И ваша капсула — это ваш язык». И. Бродский, *Состояние, которое мы называем изгнанием* // его же, *Сочинения*, т. 6, ред. Я.А. Гордин, Пушкинский фонд, Санкт-Петербург 2001, с. 35.

⁴ В том числе *Линия отрыва*, Митин журнал, Санкт-Петербург 1992; *Вид на жительство*, Новое литературное обозрение, Москва 2000; *Только декабря: Третья книга стихов*, Новое литературное обозрение, Москва 2008. Последний сборник включен в серию *Поэзия русской диаспоры*. В Италии Петрова опубликовала сборник *Altri fuochi* (Crocetti, Milano 2005), в котором под псевдонимом Пьетро Алессандрини сама перевела на итальянский язык свои стихотворения.

ковала *Аппендикс* — свой первый (и до сих пор единственный) роман, который в том же году был отмечен Премией Андрея Белого и вошел в шорт-лист НОСа и в 2017 в лонг-лист премии «Большая книга».

Аппендикс — большой и сложный роман, «своего рода *opus magnum*»⁵, с множеством сюжетных линий и с насыщенной и эрудированной интертекстуальностью. Главная тема романа — жизнь мигранта или же беженца, попадающего в чужой город; сама книга посвящена новым мигрантам (в том, что касается сегодняшней Италии, часто жертвам моря): «Всем исчезнувшим в водах Средиземного моря и водах забвения посвящается»⁶. На протяжении романа имеет место и «мигрирующее» повествование: главная нарративная линия ведется от первого лица героини-рассказчицы, кочующей между своим настоящим взрослой русской женщины, эмигрантки в Риме, и воспоминаниями о своем детстве в России. Глава за главой, переход от взрослого мира к детскому сигнализируется в паратексте эпиграфами, отсутствующими в главах о малолетстве. К этому добавляется присутствие всезнающего повествователя, например, в жизнеописании персонажей вне главной линии рассказа. Так, в случае с Амастаном, мигрантом из Африки, где он «сжег свои документы и свое прошлое»⁷, Петрова детально воссоздает его трудный путь на лодке по Средиземному морю благодаря интервью, взятому ею у настоящих мигрантов.

На самом деле, в романе миграция касается не только русских, румын, бразильцев, поляков, но и итальянцев. Последнее

⁵ К. Корчагин, «Не против слабых, а за них» // «Новый мир» 2017, № 4, http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_4/Content/Publication6_6610/Default.aspx (15.09.2023). Ольга Балла считает *Аппендикс* романом-утопией: «попытка воплотить утопическую идею романа (на мой взгляд, в значительной мере удавшаяся, что удивительно еще более, поскольку попытки такого рода обыкновенно обречены на провал)». О. Балла, *Рим оборачивается миром* // «Знамя» 2017, № 9, <https://znamlit.ru/publication.php?id=6712> (22.11.2023).

⁶ А. Петрова, *Аппендикс*, Новое литературное обозрение, Москва 2016, с. 5.

⁷ Там же, с. 97.

не должно удивлять: Италия — страна с четким разделением на «благополучный» север и «неблагополучный» юг, поэтому с послевоенного периода многие люди переехали с юга на север, или в столицу, чтобы учиться или работать. Каждый по-своему. Персонажи испытывают чувство маргинальности и отчужденности по отношению к чужому городу и своему прошлому существованию. Они являются физически и метафизически бездомными. Их судьбы переплетаются на фоне Вечного города: здесь они уже без прошлого и, кажется, без будущего, осязают, ощущают историю древности, вес памяти города. И это должно испытываться еще сильнее героиней, родившейся в Ленинграде, в городе, вычеркнутом историей:

почему я не та, кто живет, где умрет, кто родилась не там, где (плохо) училась, и не та, которая училась там же, где (не) служит? Почему выпадаю из списков, не вишу на доске почета? Не хожу на отеческие могилы⁸.

Зато у нее осталась «миссия» —

претерпеть в разлуке и любоваться издалека непомерным телом родины. О ней все мои мысли, к ней обращены, в непонимании ее твердолобости, а то, что другую мать себе искала, потому лишь, что ласки хотела⁹.

В новой стране эти мигранты — лишние люди, это «аппендикс», ненужная часть тела-города, больной шрам современного городского пространства, где они часто не находят себе места¹⁰. По сути, «аппендикс» — слово, выражающее разные значения. Во-первых, Апеннинский полуостров часто упоми-

⁸ Там же, с. 15.

⁹ Там же, с. 22.

¹⁰ Это касается и поэзии Петровой. Как замечает Элиза Бальони о сборнике *Только деревья*, Петрова передает «взгляд маргиналов, мигрантов, бродяг, бомжей или кочевников, тех, кто не принадлежит к обществу, потому что находится на его краю, тех, кто не имеет постоянной роли или постоянного места жительства, [...] в виде острых и болезненных стихов, полных мира, о существовании которого мы, как нам кажется, не знаем». E. Baglioni, *Ritratti di poeti russi contemporanei: Alexandra Petrova* // «L'Ospite Ingrato», 1.02.2009, <https://www.ospiteingrato.unisi.it/ritratti-di-poeti-russi-contemporanei-alexandra-petrova/> (20.10.2023).

нается как Аппендикс Европы. А в романе сама Петрова уже с первой главы подсказывает (или же хочет, чтобы читатели так думали), что речь идет буквально об аппендиксе: двенадцатилетняя героиня находится в больнице, где ей вырезают аппендикс. Но это не обыкновенная операция: ненужный придаток кишки не выкидывают, а сохраняют в банке со спиртом в музее больницы, и на взгляд маленькой героини, это не просто часть ее тела, а магический орган. У нее возникает ощущение, что она «потеряла [...] конечно, добрую часть своей магии [...] прошлая жизнь была бесповоротно отрезана»¹¹.

Героиня испытывает некое чувство отсутствия, но, как это бывает после ритуала посвящения, утрата части старого себя позволяет осознать свое новое «я»: «я ощутила и новую легкость. Потеря багажа помогает наращиванию крыльев за спиной или на сандалиях, как у Меркурия», и в этом новом состоянии надо было «строиться заново, полагаясь только на себя»¹². То, что остается после потери аппендикса, — шрам, знак памяти утраченной части себя. И этот шрам виден и в перитексте романа: на обложке книги имя автора и название помещены над фотографией акведука (*Aqua Felix*), который как будто тянется через всю обложку, как узкий и длинный шрам, где регулярные арки акведука похожи на след на коже от снятых швов¹³. Шрам — это свидетельство ранения, физического или же внутреннего разрыва. И эмиграция, чужестранность характеризуется чувством ранимости, страдания из-за оставления своего мира¹⁴.

---

¹¹ А. Петрова, *Аппендикс...*, с. 11.

¹² Там же, с. 13.

¹³ Это снимок Стефано Эспозито, с которым Петрова неожиданно познакомилась в маленьком фотомагазине в Гетто: «Однажды фотография так привлекла мое внимание, что я воскликнула вслух, как она мне нравится. Фотограф, Стефано Эспозито, случайно оказавшийся там, услышал меня и сказал, что это его снимок. Тогда я сказала ему, что мне нужна фотография для обложки книги, которую я заканчиваю. Мы просмотрели сотни фотографий на его компьютере, и в конце концов я выбрала эту» (из частной беседы с А. Петровой, Л.П.).

¹⁴ Ср. А. Наринская, *Рим внутри* // «Коммерсант. Weekend», 18.11.2016, <https://www.kommersant.ru/doc/3137729> (10.11.2023).

Казалось бы, что толкование названия романа уже исчерпано, но наращивание крыльев героини и, в идеале — читателей, только что началось: по факту, от этой точки расходится много нарративных путей, и образ сандалий Меркурия, с одной стороны, укрепляется и предвосхищает идею путешествия героини; с другой стороны, Меркурий вводит читателя в мифологический мир, в классический текст культуры, который оживляется на протяжении всего романа.

Рим Петровой не несет в себе привычные русские штампы образа Вечного города. Это городской конгломерат, часто ночной пейзаж, населенный проститутками, транссексуалами, бомжами и преступниками, в котором, кажется, вновь оживает та атмосфера декаданса империи, когда ощущалось надвигающееся варварство и предчувствие конца. Маргинальный город, или же город маргиналов, топографический и социальный «аппендикс». Речь идет, прежде всего, о периферийных районах: в первую очередь, о районе *Ребиббиа*, который сразу ассоциируется с находящейся там известной тюрьмой и с одноименной станцией метрополитена. Современная подземная жизнь в романе связывается с катакомбным миром, уже занимавшим центральное место в лирике Петровой, например, в поэтическом цикле *Подземный Рим*¹⁵. В *Аппендиксе* катакомбы становятся жилищем героев, как в случае археолога Флорина, который превращает подземные кубикеры в свой собственный дом:

К счастью, часть жизни я провозился на раскопках, а другую угробил на строительстве. Уже пять лет я оккупирую Древний Рим, и вон еще сколько места! Рим — это тебе не антикварная лавка, а дышащий хаос. Долой музеи¹⁶.

---

¹⁵ А. Петрова, *Подземный Рим* // ее же, *Вид на жительство...*, с. 85 и сл. Об образе Рима в поэзии Петровой ср. С. Фокина, *Римский текст в поэтической рефлексии Александры Петровой* // «Slavica Tergestina» 2020, т. 25, № II, с. 208–236.

¹⁶ А. Петрова, *Аппендикс...*, с. 645.

В романе Ребиббия — locus эмиграции, которому героиня придумывает некую личную мифологию, играя с палиндромом слова *Италия* и его значением (*ai lati* означает «по краям»):

Эта небольшая часть города имела обычные географические границы, но в потустороннем, высшем смысле она была лишь одной из составляющих другой, огромной и безграничной территории, которую я, любя переворачивать все с ног на голову, называла *Яилати*. По-русски получалось, что это слово включало в себя местоимение «я», союз «и» и неких «лати». «Я и лати». «Лати», возможно, и был народ, который обосновался в этих местах, помимо меня. Но если нас надо было соединять с помощью союза «и», получалось, что мы все-таки не были едины. По-итальянски же *Jailati* означало нечто, «отданное лати». Или — «по краям», что еще лучше передавало суть дела¹⁷.

В этих краях жил какое-то время и Пьер Паоло Пазолини, эмигрировавший в Рим в 1950 году. В стихотворении *Плач Экскаватора (Pianto della scavatrice)* он сравнивает этот период своей жизни с «изгнанием» («В каждой странице, в каждой строке, / которые я написал в изгнании Ребиббии, / был тот пыл, та самоуверенность, / та благодарность»)¹⁸. К этому можно добавить и эпиграф, открывающий главу *Римские чудовища*, переведенный Петровой фрагмент из пазолиниевской *Песни народа (Il canto popolare)*, опять же связанной с Ребиббией: «Паренек из народа, поешь / здесь, в Ребиббии, на берегу убогом / Аньене новую песенку, что же [...]»¹⁹. И остальные адреса Пазолини в городе переплетаются с судьбой персонажей романа: в «музыкальной» главе *Фуга*, в годовщину смерти писателя (2 ноября), герои принимают участие в памятном вечере в районе Монтеверде, где

¹⁷ Там же, с. 25.

¹⁸ «In ogni pagina, in ogni riga / che scrivevo nell'esilio di Rebibbia / c'era quel fervore, quella presunzione / quella gratitudine». P.P. Pasolini, *Il pianto della scavatrice* // его же, *Le ceneri di Gramsci. Poemetti*, Garzanti, Milano 1957, с. 108. Перевод мой — Л.П.

¹⁹ А. Петрова, *Аппендикс...*, с. 34 («Ragazzo del popolo che canti/qui a Rebibbia sulla misera riva/dell'Aniene la nuova canzonetta [...]»). P.P. Pasolini, *Il canto popolare* // его же, *Le ceneri di Gramsci...*, с. 23.

он проживал с 1954 по 1963 год. Помимо чтения его стихотворений (одно из них *Il nini miàrt*, на фриульском языке), молодые музыканты играют Баха, саундтрек к фильмам Пазолини *Аккаттоне* (*Accattone*, 1961), *Евангелие от Мафея* (*Il Vangelo secondo Matteo*, 1964) и новелле *С бумажным цветком* из фильма *Любовь и Ярость* (*Amore e rabbia*, 1968) и др.²⁰ В описаниях Петровой Рима отражается столица, рассказанная в его романах (и фильмах), таких как *Шпана* (*Ragazzi di vita*).

Рядом с пазолиниевской окраиной в основе ядра итальянского текста романа лежит и множество культурных отсылок к итальянскому кино, музыке (Мина, Франческо Гуччини), литературе (романы Эмилио Сальгари), продуктам питания, напиткам и брендам (печенье Джентилини или Мулино бьянко, мороженое Кремино и т.д.)²¹. Таким образом, эрудированные цитаты Петровой чередуются с прививками поп-культуры и постоянными отсылками к итальянской истории и быту, и героиня, кажется, питает необычную ностальгию — по стране своего рождения и утраченному детству, а также по итальянскому прошлому, которое она никогда не переживала.

²⁰ Пазолини посвятил Баху одно эссе, см. P.P. Pasolini, *Studi sullo stile di Bach* // его же, *Saggi sulla letteratura e sull'arte*, ред. W. Siti, S. De Laude, т. 1, Mondadori, Milano 1999, с. 77–90. О музыке в фильмах Пазолини см. G. Magaletta, *La musica nell'opera letteraria e cinematografica di Pier Paolo Pasolini*, Quattro Venti, Urbino 1995.

²¹ Джулиано Вивальди, например, отмечает, что песня Франческо Гуччини *Бог умер* (*Dio è morto*) прерывает фабулу в одноименной главе, «как если бы глава была приложением, аппендиксом песни, а песня — аппендиксом самой темы». Дж. Вивальди, *Воссоздавая множество на сумеречных берегах: между Тибром и Невои* // «Новое литературное обозрение» 2017, № 3, <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/3/vossozdavaya-mnozhestvo-na-sumerechnyh-beregah-mezhdu-tibrom-i-nevoj.html> (02.11.2023). Об итальянском тексте в романе писал и Кирилл Корчагин. По его мнению, важную роль играет также книга Паоло Вирно, *Грамматика множества* (*Grammatica della moltitudine. Per una analisi delle forme di vita contemporanee*, 2003), переведенная самой Петровой (Ад Маргинем, Москва 2013), см. К. Корчагин, «*Не против слабых, а за них*»... Философ был арестован в 1979 году и сначала содержался под стражей именно в тюрьме Реббии в рамках расследования Процесса 7 апреля, а затем, по прошествии почти десяти лет судебных тяжб, был оправдан.

Как будто места эмиграции (в данном случае Рим) способны породить альтернативные воспоминания.

Изгнание, ностальгия по родине и чувство отчуждения — основные элементы выбранных Петровой эпитафий²², таких как овидиевские стихи *Тристии*. Эти текстовые «пороги» создают плотную и богатую сеть словесных и тематических фрагментов, особый путеводный знак, который автор рисует для читателя, чтобы тот мог сориентироваться на страницах романа. Но выбор эпитафий и культурных цитат отражает гибридную природу городского пространства, соприкосновение его разнообразных «текстов и кодов»²³, постоянный диалог между прошлым и настоящим, но также и его вневременность, с многочисленными мифами о городе, прежде всего, о его основании.

Как известно, во вступительном отрывке поэмы Вергилия Эней — «беглец», который путешествует из прошлого (Трои) к будущему (Риму). То есть, Рим рождается как город, основанный иностранцем. Сама героиня идентифицируется с Энеем, первым «беженцем» Рима, хотя обстоятельства ее изгнания отличаются:

Страна, в которой я родилась, не сторела под рукой нахального врага и не исчезла. Она просто вдруг видоизменилась. [...] она мутировала практически до неузнаваемости. Сместилась ее география, названия улиц заменились другими [...]. Здесь не было ничего из ряда вон выходящего²⁴.

---

²² Сама Петрова признает: «Важны эпитафии к каждой взрослой главе, они связаны с разными персонажами из древнеримской литературы, или же из современной, но, так или иначе, они связаны с опытом либо эмиграции, либо изгнанничества...». *Роман о Риме и русских в эпоху новейших войн и беженцев // Открытый город* (программа Е. Фанайловой), <https://www.svoboda.org/a/28038621.html> (20.11.2023).

²³ Как замечает Юрий Лотман, город — «котел текстов и кодов [...] механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно». Ю.М. Лотман, *Символика Петербурга // его же, Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*, Искусство-СПб, Санкт-Петербург 2010, с. 325.

²⁴ А. Петрова, *Аппендикс...*, с. 26.

Уезжая, она не взяла с собой добрых духов — Ларов и Пенатов, ни своего отца: «Так что кочевала я одна, без предков, [...]. В отличие от Энея я не взяла с собой и своего отца, он остался в том же городе, где родился»²⁵. Настоящие ее Лары и Пенаты — воспоминания о детстве в уже «сгоревшей» советской стране.

Таким образом, судьба героев романа более или менее косвенно связана с судьбой героя Вергилия. Подобно Энею, каждый отдельный протагонист создает свой Рим, свой мир (пусть маргинальный, периферийный). Как подчеркивает Виктор Топоров в своей работе о вергилиевских мотивах в римском тексте,

предчувствие Рима, сознание его предназначенности определяет и его до-римское прошлое [...]. Именно это делает «Энеиду» книгой не просто об Энее, но и прежде всего о Риме [...] как образе мира, о Риме имеющем стать миром²⁶.

В романе Петровой эмблемой этого возрождения и перемен является сама Лавиния, некогда Рожерио, трансвестит, который воссоздает свою новую идентичность в Риме, превращаясь из мужчины в женщину, из прошлого в настоящее, из Бразилии в Италию, из певицы босановы в проститутку, из Летиции в Лавинию:

парочка рассказала ей историю про троянца Энея и его вторую жену Лавинию. В отличие от колючего итальянского варианта ее имени это звучало нежно и мелодично, и она решила, что совсем неплохо было бы называться в честь древней итальянской принцессы, которая стала к тому же женой легендарного прародителя Римской империи²⁷.

²⁵ Там же, с. 28.

²⁶ В.Н. Топоров, *К исследованию анаграмматических структур (анализ)* // Т.В. Цивьян (ред.), *Исследования по структуре текста*, Наука, Москва 1987, с. 198.

²⁷ А. Петрова, *Аппендикс...*, с. 352–353. Недаром Александр Марков определяет Аппендикс «„Энеида” наших дней». А. Марков, *Роман без дневника, или Римская икона свободы*, <https://www.colta.ru/articles/literature/12550-roman-bez-dnevnika-ili-rimskaya-ikona-svobody> (12.03.2023).

Дочь царя Латина и Аматы, Лавиния, вышедшая замуж за Энея, объединяет конец Трои с основанием Рима и, в более широком смысле, символизирует возрождение беженцев из разных стран, которые прибывают в Рим в поисках лучшего будущего и своей собственной идентичности. К *Энеиде* отсылает опять и пазолиниевский интертекст *Аппендикса*: в 1959 году писатель предпринял попытку перевода (остался незаконченным) вергилианской поэмы на простой итальянский язык.

В том, что касается языковой ткани *Аппендикса*, — Петрова употребляет густой, лирический и изощренный язык поэта, пишущего прозой. Как пишет Ольга Балла, в романе язык «совершенно далек от претензий на самоценность и существует лишь затем, чтобы позволить читателю получше разглядеть языковые пространства», и вернуться «к классической модели романа, главная забота которого — показать жизнь за своими пределами»²⁸.

Это не значит, что язык подчинен содержанию, напротив, как замечает Максим Кронгауз, проза Петровой «обманчива в своей простоте», подвержена постоянным преломлениям точек зрения, в частности, непрекращающееся колебание между взрослым и детским я-рассказчиком, которому порой соответствуют непоследовательность дискурса, сдвиг между высоким и низким стилем, умножение «лексических конфликтов», вплоть до создания настоящих неологизмов²⁹.

²⁸ О. Балла, *Рим оборачивается миром...* Стоит сказать, что и до того, как Петрова написала свой роман, некоторые критики замечали, что ее поэтический язык связан с русской прозой. Так, еще в 2002 году Вито Ривиелло увидел в ее стихах «влияние великой литературы своей страны, которая в большей степени черпает вдохновение из романа и повествовательных процессов, чем из стихотворной поэзии. Это происходит потому, что в ее стихах акцентируется космополитический и децентрализованный взгляд, позволяющий при вертикальном раскопе в современной лингвистической магне обнаружить глубокие корни древнего культурного теллуса, часто либо слишком разложенного, либо слишком идеологически схематизированного». V. Riviello, *Russia, mamma cieca* // «Poesia» 2022, вып. 15, № 167, с. 13.

²⁹ М. Кронгауз, *Ересь неслыханной простоты* // «Новое литературное обозрение» 2017, № 3 (145), https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_

Хотя Петрова успешно попробовала себя в прозе, она остается поэтом. Закрывает роман именно поэтическое приложение, или же еще один аппендикс, — стихи для реквиема Лавинии. Здесь Петрова передает свои стихотворения, гибридные цитаты Нага Гаммади, от лица персонажей романа.

В постсоветской русской литературе вне России Петрова остается голосом порога, «аппендикс»: она не отступает от своего родного языка, собственно, и ее «изгнание» в Риме оказывается, прежде всего, «событием лингвистическим»³⁰. Петрова продолжала писать на русском языке и после 24 февраля. И хотя она эмигрировала задолго до начала войны, является представителем уже новейшей диаспоры, ее аппендиксом в Риме. Духовно Петрова как будто эмигрировала дважды, о чем свидетельствуют ее последние интервью и стихи, такие как стихотворение *Язык проклятый, сдохни*:

Язык проклятый, сдохни,
ты не имеешь права городить здесь шутовские стишки, [...] язык, это ты отдавал приказы расстрела,
ты связывал руки,
ты лепетал и ритмично мычал,
когда разрывали нежную кожу детей,
ты предатель,
зачем ты прокрадываешься в меня каждый день,
уйди же, не вороши,
исчезни,
отдай мне ключи от меня, все имущество,
ты насильник,
ты будешь сидеть на скамье подсудимых,
и, когда тебя поведут на казнь,
потащат на четвертованье,
я не дрогну, уже не заплачу,
даже не обернусь, язык.
Без тебя меня нет³¹.

---

literaturnoe_obozrenie/145_nlo_3_2017/article/12503/ (15.02.2023). К этому можно добавить, что, на наш взгляд, римский текст Энеиды воплощается на языке, где можно найти лингвистическую игру на тему Рим-мир. По этому вопросу готовится отдельная статья, которая вскоре будет опубликована.

³⁰ И. Бродский, *Состояние, которое мы называем изгнанием...*, с. 35.

³¹ А. Петрова, *Новое имя представшего* // «Носорог» 2023, № 18, с. 97.

REFERENCES

- Baglioni, Elisa. "Ritratti di poeti russi contemporanei: Alexandra Petrova." *L'Ospite Ingrato*, 1 Feb. 2009, <https://www.ospiteingrato.unisi.it/ritratti-di-poeti-russi-contemporanei-alexandra-petrova/>. Accessed 20 Oct. 2023.
- Balla, Ol'ga. "Rim obrachivaetsya mirom." *Znamya*, no. 9, 2017, <https://znamlit.ru/publication.php?id=6712>. Accessed 23 Nov. 2023 [Балла, Ольга. "Рим оборачивается миром." *Знамя*, № 9, 2017, <https://znamlit.ru/publication.php?id=6712>. Дата обращения: 23.11.2023].
- Brodskiy, Iosif. "Sostoyaniye, kotoroye my nazyvayem izgnaniyem." Brodskiy, Iosif. *Sochineniya*. Ed. Gordin, Yakov A. Vol. 6. 27–36. Sankt-Peterburg: Pushkinskiy fond, 2001 [Бродский, Иосиф. "Состояние, которое мы называем изгнанием." Бродский, Иосиф. *Сочинения*. Ред. Гордин, Яков А. Т. 6. 27–36. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001].
- Fokina, Svetlana A. "Rimskiy tekst v poeticheskoy refleksii Aleksandry Petrovoy." *Slavica Tergestina*, vol. 25, no. II, 2020: 208–236 [Фокина, Светлана А. "Римский текст в поэтической рефлексии Александры Петровой." *Slavica Tergestina*, т. 25, № II, 2020: 208–236].
- Kiseleva, Mariya, Safronova, Viktoriya. "Novyye rossiyskiye emigranty. Kto oni, skol'ko ikh i kuda uyekhali?" <https://www.bbc.com/russian/features-65686712>. Accessed 10 Oct. 2023 [Киселева, Мария, Сафронова, Виктория. "Новые российские эмигранты. Кто они, сколько их и куда уехали?" <https://www.bbc.com/russian/features-65686712>. Дата обращения: 10.10.2023].
- Korchagin, Kirill. "Ne protiv slabykh, a za nikh." *Novyy mir*, no. 4, 2017, http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_4/Content/Publication6_6610/Default.aspx. Accessed 15 Sept. 2023 [Корчагин, Кирилл. "Не против слабых, а за них." *Новый мир*, № 4, 2017, http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_4/Content/Publication6_6610/Default.aspx. Дата обращения: 15.09.2023].
- Kostenko, Nika, Zavadskaya, Margarita, Kamalov, Emil, Sergeyeva, Ivetta. "Rossiyskaya rizoma: sotsial'nyy portret novoy emigratsii." <https://re-russia.net/expertise/045/>. Accessed 15 Oct. 2023 [Костенко, Ника, Завадская, Маргарита, Камалов, Эмиль, Сергеева, Иветта. "Российская ризома: социальный портрет новой эмиграции." <https://re-russia.net/expertise/045/>. Дата обращения: 15.10.2023].
- Krongauz, Maksim. "Yeres' neslykhannoy prostoty." *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 3, 2017, https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/145_nlo_3_2017/article/12503/. Accessed 15 Feb. 2023 [Кронгауз, Максим. "Ересь неслыханной простоты." *Новое литературное обозрение*, № 3, 2017, https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/145_nlo_3_2017/article/12503/. Дата обращения: 15.02.2023].
- Lotman, Yuriy M. "Simvolika Peterburga." Lotman, Yuriy M. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki*. 320–334.

- Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2010 [Лотман, Юрий М. “Символика Петербурга.” Лотман, Юрий М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мильящих миров. Статьи. Исследования. Заметки.* 320–334. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2010].
- Magaletta, Giuseppe. *La musica nell'opera letteraria e cinematografica di Pier Paolo Pasolini*. Urbino: Quattro Venti, 1995.
- Markov, Aleksandr. “Roman bez dnevnika, ili Rimskaya ikona svobody.” <https://www.colta.ru/articles/literature/12550-roman-bez-dnevnika-ili-rimskaya-ikona-svobody>. Accessed 12 March 2023 [Марков, Александр. “Роман без дневника, или Римская икона свободы.” <https://www.colta.ru/articles/literature/12550-roman-bez-dnevnika-ili-rimskaya-ikona-svobody>. Дата обращения: 12.03.2023].
- Narinskaya, Anna. “Rim vnutri.” *Kommersant. Weekend*, 18 Nov. 2016, <https://www.kommersant.ru/doc/3137729>. Accessed 10 Nov. 2023 [Наринская, Анна. “Рим внутри.” *Коммерсант. Weekend*, 18.11.2016, <https://www.kommersant.ru/doc/3137729>. Дата обращения: 10.11.2023].
- Pasolini, Pier Paolo. *Le ceneri di Gramsci. Poemetti*. Milano: Garzanti, 1957.
- Pasolini, Pier Paolo. “Studi sullo stile di Bach.” Pasolini, Pier Paolo. *Saggi sulla letteratura e sull'arte*. Ed. Siti Walter, De Laude Silvia. Vol. I. 77–90. Milano: Mondadori, 1999.
- Petrova, Aleksandra. *Liniya otryya*. Sankt-Peterburg: Mitin zhurnal, 1992 [Петрова, Александра. *Линия отрыва*. Санкт-Петербург: Митин журнал, 1992].
- Petrova, Aleksandra. *Vid na zhitel'stvo*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2000 [Петрова, Александра. *Вид на жительство*. Москва: Новое литературное обозрение, 2000].
- Petrova, Aleksandra. *Tol'ko derev'ya: Tret'ya kniga stikhov*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2008 [Петрова, Александра. *Только деревья: Третья книга стихов*. Москва: Новое литературное обозрение, 2008].
- Petrova, Aleksandra. *Appendiks*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016 [Петрова, Александра. *Аппендикс*. Москва: Новое литературное обозрение, 2016].
- Petrova, Aleksandra et al. “Roman o Rime i russkikh v epokhu noveyshikh voyn i bezhentsev.” *Otkrytyy gorod* (programma Ye. Fanaylovoy), <https://www.svoboda.org/a/28038621.html>. Accessed 20 Nov. 2023 [Петрова, Александра и др. “Роман о Риме и русских в эпоху новейших войн и беженцев.” *Открытый город* (программа Е. Фанайловой), <https://www.svoboda.org/a/28038621.html>. Дата обращения: 20.11.2023].
- Petrova, Aleksandra. “Novoye imya predstavshogo.” *Nosorog*, no. 18, 2023: 97–118 [Петрова, Александра. “Новое имя представшего.” *Носорог*, № 18, 2023: 97–118].
- Petrova, Alexandra. *Altri fuochi*. Transl. Alessandrini, Pietro. Milano: Crocetti, 2005.
- Rivello, Vito. “Russia, mamma cieca.” *Poesia*, vol. 15, no. 167, 2002: 12–22.

- Toporov, Viktor N. “K issledovaniyu anagrammaticheskikh struktur (analiz).” *Issledovaniya po strukture teksta*. Ed. Tsivyan, Tat'yana V. 193–238. Moskva: Nauka, 1987 [Топоров, Виктор Н. “К исследованию анаграмматических структур (анализ).” *Исследования по структуре текста*. Ред. Цивьян, Татьяна В. 193–238. Москва: Наука, 1987].
- Tseytlin, Yevsey. “Truden li etot put’? Beseda s Olegom Korostelevym — issledovatelem literatury Russkogo zarubezh’ya.” *Gostinaya. Literaturnyy zhurnal*, vol. 91, 2017, <https://gostinaya.net/?p=14404>. Accessed 15 Oct. 2023 [Цейтлин, Евсей. “Труден ли этот путь? Беседа с Олегом Коростелевым — исследователем литературы Русского зарубежья.” *Гостиная. Литературный журнал*, вып. 91, 2017, <https://gostinaya.net/?p=14404>. Дата обращения: 15.10.2023].
- Virno, Paolo. *Grammatika mnozhestva*. Transl. Petrova, Aleksandra. Moskva: Ad Marginem, 2013 [Вирно, Паоло. *Грамматика множества*. Пер. Петрова, Александра. Москва: Ад Маргинем, 2013].
- Vival'di, Dzhul'vano. “Vossozdavaya mnozhestvo na sumerechnykh beregakh: mezhdru Tibrom i Nevoj.” *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 3, 2017, <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/3/vossozdavaya-mnozhestvo-na-sumerechnykh-beregah-mezhdru-tibrom-i-nevoj.html>. Accessed 02 Nov. 2023 [Вивальди, Джульвано. “Воссоздавая множество на сумеречных берегах: между Тибром и Невой.” *Новое литературное обозрение*, № 3, 2017, <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/3/vossozdavaya-mnozhestvo-na-sumerechnykh-beregah-mezhdru-tibrom-i-nevoj.html>. Дата обращения: 02.11.2023].